

МАРСЕЛЬ ПРЕВО

МОДОХ

Селма Книга

Марсель Прево

Молох

«Седьмая книга»

Прево М.

Молох / М. Прево — «Седьмая книга»,

Она – тюрингская принцесса, а я, намного моложе её, и ещё я – француз, а она немка, немка до кончиков мизинцев. «Неужели же я менее свободен, чем думаю сам?» – спросил я сам себя и... не мог ответить себе на этот вопрос.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марсель Прево

Молох

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

В течение десяти месяцев пребывания в Ротберге в качестве преподавателя французского языка юного наследника принца я научился достаточно ценить тюрингское пиво, чтобы, выйдя из карлсбадского поезда, не усестись за одним из столиков станционного буфета. Девушка Бингер, сидевшая за конторкой, улыбнулась, узнав меня: это была очень худая особа, одетая во все черное, за исключением белой кружевной рюшки у воротника. По внешнему виду она напоминала ночную птицу, отличалась жиденькими волосами, крошечным ртом и глазами цвета чересчур разжиженного кофе. Она лично поставила передо мной каменную кружку, под оловянной крышкой которой пузырилась рыжеватая пена. Одновременно с этим она кинула на меня долгий взгляд, который, казалось, говорил: «С этой кружкой я предлагаю вам всю свою жизнь!» В самом деле, я еще недавно был уверен, что девушка Бингер без памяти влюблена в меня. Но эта иллюзия рассеялась в тот момент, когда я неожиданно вошел в буфет и застал эту юную особу, без памяти целующей господина Грауса, видного гражданина города Ротберга, собственника гостиниц-вилл «Люфткурорт» (что значит: «Место лечения воздухом»), расположенных по соседству с замком.

В то время как я принялся за пиво, грохот прибывшего поезда стал наполнять жизнью маленькую станцию. Девушка Бингер оделила других жаждущих кружками пива, сопровождая это все той же улыбкой бесконечной преданности. Выкатили багаж, раздались окрики. Потом поезд двинулся снова; путешественники рассеялись во все стороны; я остался один в зале со своей початой кружкой.

– Господин доктор ожидает карету из Ротберга? – пролепетала девушка Бингер своим действительно очаровательным голосом.

Я ответил, что ожидаю не только карету из Ротберга, но и поезд из Эрфурта, с которым должен приехать кое-кто из моих знакомых.

– А в Карлсбаде господин доктор был для того, чтобы подготовить все для будущего путешествия ее высочества владетельной принцессы?

На этот раз я ограничился неопределенным кивком головы, подумав про себя: «Еще новая нескромность господина Грауса! Он уведомляет свою возлюбленную решительно обо всех мелочах придворной жизни!»

Девушка не спрашивала более и погрузилась в глубокие мечты. Я тоже задумался о себе.

Было немного более трех часов. Косые лучи августовского солнца заливали зал, играя на оловянных крышках пивных кружек, на жиденьких волосах кассирши и на зеркале, висевшем на стене против меня. Я кинул взгляд на это зеркало и увидел в нем образ молодого человека, сидевшего за кружкой пива. Этому молодому человеку, одетому в элегантный серый костюм, казалось на вид не более двадцати лет. Но я-то знал, что ему уже двадцать шесть, потому что этим молодым человеком был я. Я с любопытством глядел на свое отражение, как глядят на посторонних. Сейчас же молодой человек в зеркале соорудил серьезную мину; но его юношеское лицо, правильные черты которого окаймлялись пышными волосами, его большие голубые глаза и рот, с трудом удерживавшийся от улыбки, делали безрезультатными попытки придать себе строгий вид.

«Луи Дюбер, – мысленно говорил я этому ироническому облику, – почему у вас сегодня такие радужные мысли? Милый мой, ваше положение далеко не так блестяще! Вы бедны, и бедны после того, как думали, что будете богаты, а это еще хуже. До прошлого года вы были парижанином, слегка причисленным к министерству иностранных дел и занимающимся для собственного удовольствия метафизикой и кропанием хромых стишков. Ваш отец был влиятельным финансистом, стоявшим во главе свекловичного рынка. Правда, он не очень-то много

заботился о вас и вашей сестре Грете! Это был финансист широкой жизни. Овдовев слишком рано, он стал вкладывать слишком много рвения в покровительство артисткам. Но он не заставлял вас ни в чем чувствовать лишения, даже наоборот. Приятного бездельничества и нежной дружбы с Гретой было достаточно для того, чтобы вы чувствовали себя счастливым.

Свекловица изменила финансисту, потерявшему одним ударом и состояние, и жизнь. Пришлось поместить Грету в верненский пансион, а вы сами были очень довольны, когда вам удалось по протекции министра получить это место учителя наследного принца в глуши Германии с содержанием в пять тысяч марок в год... Луи Дюбер, со времени этих катастроф прошло только десять месяцев – улыбаться еще слишком рано!»

Такой суровой отповедью я пытался заставить свои мысли настроиться на печальный лад. Я вспоминал все то грустное, что пришлось пережить, среди чего не последнее место занимали впечатления от первого прибытия в Ротберг. Были святки, ротбергские ели дремали под густым снежным покровом; все девять километров, отделяющие Штейнах от Ротберга, я ехал среди ночных завываний ветра...

Прихлебывая пиво девицы Бингер, я вызвал в памяти появление при желтоватом свете фонарей высокой, бородатой фигуры придворного привратника Кребса, прижавшегося к стене, чтобы пропустить мой экипаж. И мне показалось, что меланхолическое, настроение уже создано.

Но тут же внутри меня с протестом всколыхнулась самая непристойная жажда жизни. Образ придворного привратника Кребса растаял, заслоненный двумя бесконечно более привлекательными образами, и рука невольно потянулась к внутреннему карману пиджака, словно напоминая, что у меня имеются две причины с улыбкой глядеть в глаза будущему. Эти причины заключались в двух письмах, которые я сейчас же решил перечитать.

Первое письмо, помеченное французскими штемпелями и нацарапанное почти мальчишеским почерком, гласило:

«Радость! Счастье! Ура! Дорогой мой Волк, завтра я выезжаю в Германию, в страну твоего принца, к тебе, мой Волк, мой великан! Я не могу поверить, что это правда, что это будет завтра; что у меня будет настоящий багаж; что я беру с собой некое платье, нет, два «неких» платья! Пусть-ка посмотрят ротбергцы... и принц, и ты! Да, на чем, бишь, я остановилась?.. Вот! Ты подумай только, что завтра твоя Грета сядет в семичасовой поезд и что во вторник около четырех часов она упадет в объятия своего Волка, спутает ему его изящный пробор, чтобы позлить его; подержит его за усы, повозится с ним и расскажет ему свою жизнь за последние шесть месяцев! Ты ведь сам понимаешь, что не могла же я обо всем писать! Прямо ужас, что только я тебе скажу во вторник. Хорошенько раскрой свои волчьи уши! И ты тоже расскажешь мне все... Ура, ура! Я опять увижу Волка!

А ты-то доволен? Я не нашла в твоём последнем письме особенного подъема. Ты сообщаем мне там детальные сведения о поездках, пересадках и т. п. А мне до всего этого нет ровно никакого дела, понимаешь ли ты, Волк? Я хочу, чтобы ты, подобно мне, потерял голову от радости и сходил с ума от восторга при одной мысли о нашей встрече. (Знаешь ли, со стороны твоего принца было действительно очень мило, что он позволил тебе не жить в замке во время моего пребывания в Ротберге; у нас с тобой на свободе будет прелестная жизнь, ну, а если бы пришлось жить в замке, я чувствовала бы себя немного, пансионеркой. Ведь у меня-то нет, как у тебя, привычки к придворной жизни!) Божже! Вот-то я растормошу тебя в эти пять недель:

ты себе и представить не можешь. Время, проведенное без тебя, было таким тяжелым, гораздо тяжелее, чем можно было видеть из моих писем...

Кстати, известно ли тебе, что до Эрфурта я буду на попечении «очень порядочных» людей, а с Эрфурта предоставлена сама себе? «Очень порядочные» люди едут на Дрезден, я же, если захочу, могу пленить прусского генерала... Ты не беспокоись немного? Не ревнуешь? Ты ревновал, когда расставался со мной...

Ну, вот. Я очень люблю тебя, мой большой Волк, и от всего сердца целую тебя. Мысленно я сворачиваюсь в клубочек у тебя на коленях, как делала, когда была совсем маленькой девочкой.

Грета

Р. S. Надеюсь, что там, у твоего принца, найдется теннис?»

Иметь младшую сестренку, сначала забавляться с нею, как с живой куклой, потом, как с подружкой по играм, потом видеть, как она пышно распускается в молодую девушку. Чувствовать, как свежие девичьи руки охватывают твою шею, вдыхать аромат ее волос, ловить нежный взгляд ее глаз, и при этом не ощущать нездорового волнения – вот редкое наслаждение, достаемое на долю старших братьев, которые были в дружеских, нежных отношениях с сестрами значительно более молодыми, чем они. Грета, родившаяся в 1890 году, совершенно не знала нашей матери, умершей в 1896 году. Трудно сказать, чтобы она много больше знала отца, который проводил большинство времени вне дома. И вплоть до катастрофы, разорившей нас и лишившей отца, я был единственным воспитателем Греты. Но добро, которое я сделал Грете, она мне вернула сторицей. Присутствие этого чистого существа мешало мне исповедовать по отношению к женщинам грубые, презрительные теории моих современников. Разумеется, живя в Париже молодым, праздным, богатым, свободным, я не вел монашеской жизни. Но, по крайней мере, я не изрекал, что все женщины – негодницы и что любовь – просто телодвижение. Маленький голубой французский цветочек цвел у меня на сердце, когда я отправлялся в Германию.

В то время, когда я углубился в эти воспоминания, в зал вошел железнодорожный чиновник; его раздраженный голос дал знать, что эрфуртский поезд опаздывает на семь минут. Это сообщение оторвало меня от моих грез и заставило вспомнить, что у меня имеется второе письмо, которое тоже надо перечитать.

Это второе письмо, – несравненно более длинное, было тоже написано по-французски, но более широким, выписавшимся почерком. Это письмо, имевшее в уголках бумаги золотую корону, было помечено позавчерашним числом и замком Ротберг. Я получил его накануне в Карлсбаде.

«К Вам имеется просьба, мой друг, – гласило это письмо, – вызвать пред Вашими глазами (глазами цвета неба Франции) укромный уголок, где я так люблю слушать Ваш голос, читающий мне моих любимых поэтов... Вы представляете себе это, не правда ли? А теперь – час пополудни. Вокруг меня все спит в замке. Царит глубокая тишина, немного жуткая...

Думаете ли Вы хоть немного о нашем унылом и достославном Ротберге? Думаете ли об узнице, изнывающей там, узнице своего ранга и немецкой верности? Не смею верить этому. Вы – юный француз, а это значит – существо остроумное, очаровательное и... легкомысленное. Поездка в Карлсбад явилась для Вас праздничным отпуском школьника, и я уверена, что. Вы усиленно развлекаетесь в Карлсбаде. Ведь он наполнен хорошенкими и доступными созданиями, а никогда еще не было видано француза, способного остаться спокойным среди хорошенких и доступных созданий.

Я нападаю на Вас, я несправедлива. Я слишком уважаю Вас, чтобы думать, будто некий образ может уступить в Вашей душе место другим женщинам. У Вас благородное сердце. Ваше отсутствие – услуга, которую Вы оказываете мне; мне приятно, что именно Вы устраиваете меня, Вы выбираете помещение для меня. Таким, образом, когда в сентябре я буду далеко от Вас, Вы будете в состоянии вызывать в воображении те места, где я буду жить (в конце концов, я устроюсь с принцем так, чтобы мне хоть на несколько дней оказалась надобность в Вас). Я уверена, что Вы подыщите мне отличное гнездышко. Не забудьте, чтобы в ванной комнате был устроен аппарат для нагревания белья: я так ужасно страдала в прошлом году в Мариенбаде, где Берте приходилось нагревать мое белье на какой-то ужасающей керосиновой печке!

Я слышу тяжелые шаги часовых, совершающих обход замка; твердый солдатский шаг вызывает передо мной видение немецкой мощи и охраны. Увы! Этой мощи, этой охраны еще недостаточно для моего покоя. Эту ночь, как и прошлую, я буду плохо спать... Мне не хватает сознания, что недалеко от меня в этом бесконечном замке спит мой дорогой наследственный враг. (Принцесса намекает на наследственную вражду Франции и Германии). Он не защищает меня от физических опасностей, как крепкая немецкая стража. Но он умеет отгонять от меня минуты страшной меланхолии, которая одолевает меня каждый раз, когда я задумаюсь об условиях своей жизни... О, мой поэт и профессор, Ваша ученица должна признаться, что вдали от Вас чувствует себя одинокой. И ей грустно думать, что, даже и вернувшись обратно, вы целых пять долгих недель не будете спать под одной крышей с ней!

Я одна посетила все наши любимые места... Мария-Елена-Зиц, Гриппштейн, Тиргартенский лес, Фазаний павильон. Но пейзажи, казавшиеся нам такими прелестными, такими улыбающимися, потеряли для меня часть своего обаяния и даже красоты... Но что я говорю! Я просто забываю, кто я такая и кем я должна быть. Вы должны были внушить мне странное доверие, чтобы вызывать меня на подобные признания. Горды ли Вы этим, по крайней мере? Скажите «да», чтобы я была не так смущена и не так возмущена собой.

Завтра с первой почтой я жду от Вас письма. Но Бога ради пусть оно принесет мне Вас таким, каким Вы бываете около меня, а не исполнительным служащим (каким Вы были в последнем письме)! Друг мой! Я устала от почтения! Я жила в почтении при эрленбургском дворе всю свою юность. Я окружена почтением в Ротберге, где меня, как владительную принцессу, уважают все, даже мой супруг! Вы, мой новый подданный, освобождены мною от обязанности относиться с почтением к Вашей повелительнице и другу! Решено ли? Получу ли я желанное письмо не от подданного, а от друга; письмо, которое друг не осмелился прочесть повелительнице?

Спешу запечатать это письмо: быть может, я порву его, если стану перечитывать!

Эльза, принцесса Ротенбургская

P. S. Больберг просит напомнить Вам, чтобы Вы не забыли подыскать четыре рюмочки к моему ликерному прибору, Она напоминает адрес: Штинде, придворный поставщик, Бергштрассе, 28.

Второй Р. S. Поверите ли Вы, что еще сегодня вечером мне пришлось обедать в замке с министром полиции Дронштеймом, его необъятной женой и сестрой Фрикой? Он переходит с Фрикой все границы. Он наедине с ней удалился в английский парк... Подумайте только, как в эти минуты мое сердце билось для вас!»

Хорошо ли я сделал, что прочел это письмо после освежающего письма Греты? Я перечитывал письмо принцессы с хладнокровием нотариуса, а ведь третьего дня, получив его в Карлсбаде, оно немного опьянило меня. Я принялся танцевать, а потом стал внимательно смотреть на себя в зеркало, почти с нежностью поправил прическу и галстук. В заключение я заявил самому себе, что все это естественно и даже очень понятно, и что у моей повелительницы хороший вкус... И, словно школьник, я принялся целовать сначала каракули, долженствовавшие обозначать имя «Эльза», а потом портрет, стоявший у меня на столе и изображавший мою «повелительницу» в короне, с обнаженными плечами полуприкрытыми парадной мантией. И я старался не замечать, что эта фотография имела давность доброй дюжины лет.

Так я отнесся к письму в Карлсбаде. Но теперь, на станции Штейнах, за пять минут до прибытия сестры Греты, строки этого письма аналитически разлагались моим умом с какой-то странной проницательностью. Я читал в письме весь характер принцессы. Она добра, о, да! Это – сама доброта, неспособная сознательно причинить зло; но ее нежность сдерживается чрезвычайной гордостью своим рангом и чисто немецким шовинизмом (хотя она и не признается в этом, высмеивая шовинизм мужа). Она одержима романтичностью и немецкой сентиментальностью. Только теперь я понял, что она ровно ничего не понимает в природе, которую видит глазами поэтов. Мне показалось также, что ей не хватает такта; об этом я думал еще давно. Поручения подыскать рюмочки и озаботиться грелкой для белья, следующие непосредственно за излияниями и признаниями, ставили меня на место прислуги. А второй постскрипtum, касавшийся измен принца и его интрижки с Фредерикой Дронштейм, помещенной в качестве своего рода извинения за общий тон письма, заставлял меня ощущать какую-то неловкость...

Но довольно анализа: подходит эрфуртский поезд!

Я бросил на стол рядом с полуопорожненной кружкой монету, послал девице Бингер улыбку, которую она мне вернула, если так можно выразиться, сторицей, и бросился на платформу. Там уже гордо красовался начальник станции, похожий в своем красном, расшитом золотыми галунами мундире одинаково и на боливийского генерала и на швейцара из гостиницы.

«Грета»! – думал я, впиваясь взором в горизонт. – Грета, мое крошечное Провидение, я люблю только одну тебя!»

Но тут внутри меня запротестовал какой-то тайный голос.

«Неблагодарный! – говорил он. – Почему ты отвергаешь другое женское Провидение, которое приняло здесь в тебе такое участие? Вспомни, как тебе было тяжело сначала, как страдала твоя гордость, и как потом жизнь изменилась к лучшему, когда весь двор, не исключая придворного интенданта Липавского, министра Дронштейма, чиновника, духовника и прочее, подражая августейшей хозяйке, стал ласково относиться к тебе? Вынес ли бы ты десять месяцев жизни в Ротберге, если бы она не покровительствовала тебе? И потом ведь это Провидение очень хорошенькое!.. Правда, принцесса уже склоняется к закату, она немного искусственна в своей сентиментальности... Ну, так что же?.. Недостаток такта?.. Важно ли это, если она искренне расположена к тебе, а ты ведь знаешь, что она действительно искренна! А главное – она любит тебя, и это важнее всего. Предоставь ей любить тебя и не мудрствуй лукаво над своим счастьем!»

В этот момент из жерла туннеля вынырнул громадный локомотив, устремившийся к станции. Вскоре вся масса поезда с грохотом тормозов остановилась. Дверь одного из купе раскрылась, и Грета бросилась в мои объятия.

Это была восхитительная минута. Будучи на десять сантиметров выше Греты, я приподнял ее на воздух, ее голова зарылась в мое плечо, и я чувствовал у лица свежесть ее щеки. Когда я опустил ее на землю, Грета пробормотала: «Ах, как хорошо!..» – и снова бросилась мне на шею, сбив с головы шляпу. Затем, взяв меня за свободную руку (в другой был не маленький саквояж), она оглядела меня с ног до головы и сказала:

– Ты по-прежнему красив, мой Волк! Ни у одной из моих подруг нет такого красивого брата... Да-с, сударыня, – прибавила она, обращаясь к какой-то мешчанке в шляпе с бежевыми петушиными перьями, которая (мешчанка, не шляпа) таращила глаза на иностранцев, так беззастенчиво отдающихся ласкам. – Да-с, сударыня, мой брат очень красив, гораздо красивее, чем такая противная очкастая образина, как ваш муж!

– А ты, – сказал я, целуя ее ручку, – ты – самая очаровательная француженка, которую можно было экспедировать в Тюрингию. Удивительно приятно видеть существо в твоём роде, после того как десять месяцев был лишен этого... Как ты доехала?

– Превосходно! Слушай! Люди, которым я была поручена...

Грета принялась рассказывать про своих спутников среди станционного шума и толкотни. Начальник станции в расшитом галунами красном мундире строго смотрел на пассажиров, словно они были арестантами, которых он должен держать на счету. У входа на вокзал служащий, объявлявший о запоздании поезда, вырывал билеты из рук пассажиров: можно было подумать, что он проверяет, целы ли кандалы у арестантов! Раздался звук сухой команды, поезд коротко свистнул, загромычал и умчался.

В ожидании багажа выстроилась целая вереница пассажиров. Находя, что дело идет вовсе не так быстро, как бы следовало, Грета вышла из цепи, прошла за загородку, где был свален багаж. Там она нашла свой чемодан, потом взяла за рукав какого-то служащего и на языке Вольтера попросту приказала ему снести багаж. Удивительное могущество женского обаяния! Это грубое животное – носильщик, бородатый и грязный, словно русский мужик, сейчас же послушался, взял чемодан и пошел за торжествующей Гретой. И среди длинной цепи, терпеливо ожидавшей своей очереди, никто не протестовал. Только грозный железнодорожный чин в галунах сейчас же заметил, что порядок нарушен, и двинулся к Грете. Желая предотвратить конфликт, я сказал ему одно только слово:

– Hofdienst!

Грозный чин остановился, посмотрел на меня, узнал, посмотрел на Грету, потупился перед ее ясным, повелительным взором и ушел, ворча что-то.

Hofdienst! Магическое слово в пределах ротбергских владений. Я заметил, что его действие начинается еще на прусской территории, около ротбергских границ. Словарь скажет вам, что это слово обозначает всего только «служба при дворе», но этот перевод совершенно не передает декоративной стороны немецкого слова.

Глава 2

– Как, господин доктор, – сказал кто-то сзади меня, – разве за вами не прислали придворного экипажа?

Это был Граус. Я подал руку этому важному гражданину Ротберга, бывшему, по слухам, самым богатым человеком после принца. Я ответил ему по-немецки, что мы доедем до Ротберга в общественной карете рядом с ним, господином Граусом, если он сделает нам честь подсесть к нам. Хотя я с детства говорил вполне изрядно по-немецки, Граус ответил мне по-французски. Он не допускал мысли, чтобы француз мог достаточно хорошо понимать и изъясняться на языке Гете. По-французски Граус говорил очень медленно, отчетливо, тщательно подбирая слова и выражения. И в отборных выражениях он высказал пожелание, чтобы барышне понравилось в Германии и чтобы, вернувшись домой, она могла «рассказать на бульварах своим друзьям, что немцы вовсе не варвары».

Я счел излишним разъяснять Граусу, что моя сестра не проводит всего своего существования на парижских бульварах и что она не ожидала встретить в Тюрингии древних тевтонов, а ограничился вопросом:

– Готовы ли наши комнаты, господин Граус?

– Да, господин доктор. Я приказал приготовить вам отделение в первом этаже виллы «Эльза», у вас две комнаты, сообщающиеся между собой. Та, которая выходит на площадь, предназначена для вашей сестры, – эта комната веселее. У другой имеется крытая терраса, выходящая на Ротскую долину, Тиргартен и замок. Конечно, там вы не найдете той роскоши, к которой привыкли при дворе, но зато вид из вашей комнаты еще лучше, чем из замка.

В это время покончили с погрузкой багажа на крышу кареты. Мы сели. Кроме Грауса и нас обоих, туда сели дама с бежевыми петушиными перьями и ее муж – блондин с золотыми очками. Граус шепотом сообщил мне, что это – саксонские чулочники, собирающиеся отдохнуть в «Люфткурорте».

Юный кучер взмахнул бичом, и пара крепких франконских лошадей бодро понесла нас по залитым солнцем улицам Штейнаха.

По дороге Граус принялся рассказывать мне:

– Вы увидите на вилле много народа, господин доктор.

В ваше отсутствие гости понаехали со всех концов империи, даже из-за границы кое-кто приехал. И как раз на вилле «Эльза», рядом с вами, живет всемирно известный человек, профессор Циммерман из Иены! Это такой же мировой ученый, как ваш Пастер, но, кроме того, он еще и философ... Разумеется, его философия – это философия ученого человека, живущего вне действительности, в мире цифр и химер. Родился он в Ротберге, но впервые после долгого отсутствия возвращается на родину. У него были очень бурная юность и большие неприятности с покойным принцем Конрадом, отцом нынешнего владетельного принца Отто. Доктор Циммерман осмелился выступить против политических взглядов принца Конрада, который был страстным империалистом. Профессор даже восставал против аннексии Эльзаса и Лотарингии, ну, его и объявили врагом империи, врагом принца, врагом общества. Ему запретили преподавать в Штейнахе, постарались сделать жизнь невыносимой. Вот тогда-то он поселился в Гамбурге, где предпринял большие труды по химии и биологии, которые прославили его. Его курс в Йене самый популярный и посещается больше всех. Говорят, что он открыл какое-то страшное взрывчатое вещество, которым можно было бы взорвать на воздух все французские крепости. Но он не хочет сообщить рецепт военному министерству, потому что носится со своими утопиями мира и братства. Не знаю, зачем он приехал в этом году в Ротберг. Разумеется, когда он письменно заказал себе помещение на одной из моих вилл, я сначала предупредил принца Отто. Но принц ответил, что ровно ничего не имеет против приезда Циммермана,

потому что годы сделали профессора разумнее; кроме того он хотел выказать снисходительности к профессору. Вот каким образом случилось, что барышне придется иметь своим соседом человека, ежедневно оперирующего с разными химическими и динамическими веществами...

Граус вдруг остановился и с таинственным видом показал нам на одну из скамеек при дороге, которая вела к самим виллам. На скамейке сидел маленький старичок с довольно высокой старухой.

Старуха была одета в просторную юбку темно-зеленого цвета, с передником черной тафты, обшитом черной рюшкой. Ее корсаж тоже был из черной тафты. Небольшой кружевной воротник белел словно детский нагрудничек. На голове у нее был черный тюлевый чепчик, скромно украшенный вишнями. У нее были волосы того неопределенного желтоватого цвета, который принимают светлые блондинки седея. Какое очаровательное личико окаймляли они когда-то, можно было судить по тому, что даже время бессильно развеять его чары. У нее были изящный овал лица, белизна кожи без бледности; морщины почти не были заметны, губы все еще оставались красными. Талия, тонкая и округленная, не сдалась под влиянием времени. В правой руке старушка держала какое-то растение, к которому внимательно склонился муж; другая ее рука была в правой руке старика.

Он же наоборот имел вид маски, переодетой человеком. Из-под широкополой шляпы справа и слева ниспадали тяжелые пряди белоснежных волос. Худое, искривленное (искривленное только годами, быть может) тело тонуло в складках просторного черного редингота. Лицо, цвета старого пергамента, было до невероятности испещрено морщинами и отличалось поразительной подвижностью. Маленькие черные глазки отличались такой живостью, что казалось, будто они непрерывно вращаются в орбитах. Этот удивительный старик говорил что-то с одушевлением, граничащим с гневом; казалось, что свободной рукой он поясняет какие-то особенности растения, но другая рука спокойно и нежно оставалась в руке внимательной подруги.

– Барышня, – прошептал Граус, когда карета медленно проезжала мимо странной пары, – вы видите пред собой величайшего динамолога Германии!

Глаза Греты с вопросом уставились на меня.

«Динамолог? – подумал я. – Что хочет сказать этот чудаков? Ах, да!... Дюнамис, дюнамеос... Логос, логу... Химия взрывчатых веществ!...»

Я собирался объяснить это Грете, когда вдали показалась туча пыли. Кучер стремительно притиснулся с экипажем к самому краю дороги. Пять или шесть всадников эскортировали двоих, несшихся на нас стремительным аллюром. В одном из этих двоих я узнал колоритную, крепкую фигуру принца Отто с лихо закрученными усами, в другом – длинный тощий силуэт майора Марбаха. Весь отряд в вихре пыли пронесся мимо нашей кареты. Мы поклонились. Граус даже явственно крикнул: «Noch!», но его крик затерялся среди стука копыт.

Ни старик, ни старуха не двинулись с места. Склонившись к растению, они продолжали изучать его.

– Вы видели? – сказал обоим саксонцам по-немецки Граус, когда наша карета снова двинулась в путь. – Доктор и его жена даже не поклонились принцу!

– Какой позор! – одновременно воскликнули чулочник и его жена.

– Ну, да ничего! – продолжал Граус. – Принц живо усмирит его! – И он сделал кулаком по воздуху движение, как бы вгоняя непослушный гвоздь.

Наконец мы приехали. Я хотел помочь Грете разобрать ее чемодан, но она заявила мне, что я в этом ровно ничего не понимаю, и приказала мне сесть и не двигаться. Я с нежным любопытством смотрел, как она вытаскивала из ящиков поштучно свой гардероб пансионерки, очень простенький, лишенный всяких украшений. Для того, чтобы не компрометировать меня, она присовокупила к прочим вещам кое-какие крохи, оставшиеся от нашего разорения. Оба «неких» платья, объявленных в письме, были показаны мне – два платья из времен «былого

величия», как выразилась Грета. Она отдала их переделать, и теперь эти платья казались еще очень элегантными.

– Ты не узнаешь белого? Да ну же, Волк, неужели ты не узнаешь его? Это – то самое, которое было на мне на балу в австрийском посольстве полтора года тому назад! А вот это было на мне на Рождество... в предпоследнее Рождество, разумеется; последнее было довольно-таки печальным и одиноким для твоей Греты, мой Волк!

Не переставая болтать, она размещала платья по шкафам.

– Видишь ли ты, – продолжала она, – что мы стали бедными, это мне еще все равно. Но подумать, что быть бедными для меня равносильно ежегодному десятимесячному заключению в тюрьме, а для тебя – ссылке в дебри Германии, ну, уж это слишком! Я не желаю, чтобы это продолжалось, и постараюсь устроиться!

Это «постараюсь устроиться», сказанное девчонкой четырнадцати лет, казалось достаточно комичным. Но почему же у меня не появилось ни малейшего желания смеяться?

«Неужели это – правда? – подумал я. – Неужели мне все-таки придется однажды покинуть Ротберг, чтобы... более уже не возвращаться сюда?»

Грета, развесив принадлежности своего туалета, танцевальным шагом прошла по комнате, затем подошла к зеркальному шкафу и, присев собственному изображению, сказала ему:

– Милая Грета, вы не то, чтобы уж очень-очень некрасивы, но зато ужасно неопрятны! На вашем платье нависли франконская пыль и вестфальский уголь, покрывающий также ваше лицо и волосы. Поспешите со своим туалетом! – А через секунду она уже была у меня на коленях, говоря: – А вы, господин Волк, потрудитесь очистить мою комнату! Через полчаса вы можете поцеловать вашу Грету, которая будет такой же чистенькой, как новенькая монета!

Она сейчас же легко вскочила на ноги, взяла меня за руку и, подведя меня к двери моей комнаты, щелкнула за мной замком. Я воспользовался этим временем, чтобы заняться также и своим туалетом. Но едва только я начал, как в дверь постучали.

Один из придворных слугителей, одетый в нарядный, маскарадного характера костюм, с выражениями величайшего почтения подал мне два письма с придворными гербами. Я сейчас же узнал почерк моей госпожи и ученика.

– Ответа не надо! – сказал посланный удаляясь.

В конверте принцессы была карточка с написанным по-немецки словом «Добро пожаловать!» и по-французски: «Я рассчитываю на дорогой мне урок завтра в девять часов утра».

Юный принц писал более подробно:

«Дорогой господин Дюбер, я счастлив, что могу поздравить Вас с возвращением. Надеюсь, что Вы хорошо съездили. Как мне было скучно без Вас! Мне не позволили сходить сегодня к Вам, иначе Вы видели бы меня у себя, и я имел бы возможность познакомиться с Вашей сестрой, которой прошу передать мой привет. Весь ваш Макс».

«Нельзя отрицать, что у меня довольно-таки внимательные ученики! – подумал я. – Да, в сущности, и верзила с закрученными усами далеко не так страшен, каким хочет казаться!»

Окончив свой туалет, я вышел на террасу. Граус был прав: вид отсюда был лучше, чем из замка. Я засмотрелся на чудный пейзаж, думая в то же время о той двойственной роли, в которой мое сердце мечется между привязанностью к Грете и к принцессе... Но разве нельзя совместить то и другое?

– Ку-ку! – послышалось сзади меня, и руки Греты на мгновение закрыли от меня красоты пейзажа. – Однако, – сказала она, освобождая мои глаза, – у твоего принца очень красивые владения! – Ее рука скользнула под мою, и, прижавшись ко мне всем своим грациозным телом, Грета продолжала: – Все-таки, Волк, скажи мне, что я не сплю и что я действительно с тобой в Тюрингии! Тюрингия! Если бы ты знал, как это имя ласкает, волнует меня; мне кажется,

что оно какое-то волшебное... Это происходит, вероятно, оттого, что еще совсем маленькой я зачитывалась тюрингскими сказками... Но все-таки, Волк, мы здесь в стране гениев и фей?

– Да, девочка моя, Ротберг и в самом деле является легендарным уголком Германии. Эти бархатные горы, изумрудные долины, красноватые потоки издавна были обителью таинственных духов, хранителей старой Германии. Вот в этом дворце, или по крайней мере в том рыцарском замке, на развалинах которого выстроен этот дворец, когда-то жил немецкий император, отравленный вскоре после своего избрания: этот император имел самый «настоященский» вид, какой полагается средневековому властителю: длинная борода и железные доспехи. Позднее здесь жил менее варварский принц – Эрнс, который превратил замок в резиденцию философии и поэзии. В Ротберге водились принцессы, знаменитые красотой и обаянием. Таковой была Мария-Елена, из-за любви к которой дезертировал и лишился жизни офицер... Но только принц Эрнст и принцесса Мария-Елена – все та же старая Германия, сменившая железные доспехи на шелковую одежду...

– А теперь? – спросила Грета.

– Теперь, дорогая, Ротбергом повелевает очень современный принц, который хоть и гордится своей независимостью, но за всяким распоряжением обращается в Берлин. Хотя у принца Отто всех подданных наберется не более восьми тысяч, однако он имеет право выпускать собственные почтовые марки и содержать гарнизоны, рекрутируемые из ротбержцев. Но идеалом принца Отто является пересоздание своих владений по прусскому образцу. Он заимствовал у императора манеру носить лихо закрученные вверх усы, склонность к сенсационным телеграммам и мундирную манию... Ты увидишь его, познакомишься с его маленьким двором, вымуштрованным по прусскому образцу, увидишь майора Марбаха (пруссак родом), графа Липавского (придворного интенданта), барона Дронштейма (министра полиции), затем придворного архитектора, духовника и прочее, и прочее. Весь этот крошечный официальный мирок, по примеру принца Отто, объят бесконечным преклонением пред всем прусским, а следовательно, заражен снобизмом... Ну, а гении и феи, как уже вполне доказано, крайне ненавидят снобов. Вот почему ты не встретишь на ротбергской территории сказочных духов Германии!

– Ну, а маленький принц, твой ученик? – спросила Грета помолчав. – Он мил?

– Это – очень хороший по натуре ребенок, но унаследовал от предков чрезмерную вспыльчивость. Кроме того, он выказывает склонность к лицемерию, что выработалось в нем благодаря той дикой манере, с которой майор Марбах воспитывает его на славу прусской армии... Но со мной он чрезвычайно мил.

– Ну, а принцесса?

Я ответил не сразу, довольный, что сгущавшиеся сумерки скрадывают румянец, выступивший на моих щеках.

– Принцесса, – сказал я наконец, – урожденная Эрленбург; это очень древний немецкий род. Она – культурная женщина и отлично владеет французским языком.

В этот момент на террасе, смежной с нашей, послышался шум шагов.

– Посмотри-ка, – вполголоса сказала Грета, – вот и господин Молох!

Я обернулся: это был маленький старичок в черном рединготе, которого мы встретили на дороге.

«Почему Грета зовет его Молохом? – подумал я, а затем, вспомнив словечко Гранта, внутренне улыбнулся. – Ну, да, динамолог... дина-Молог... Молох!.. Грета таким образом упрощает трудное для нее слово!» – Его зовут не господин Молох, а профессор Циммерман, – заметил я.

Грета ничего не ответила мне. Но когда на террасе показалась старушка, которую мы видели в обществе профессора при дороге, Грета прибавила:

– А вот и госпожа Молох!

Глава 3

Принцесса читала:

– Любовь не должна мириться с подобными унижениями души, с сладострастием порабощения. Ее усилия должны клониться к возвышению любимой особы до своего уровня, культивировать форму союза, способную скрепить ее, сообщить ей реальность; эта форма – равенство. Раз души любящих так несоразмерны, между ними невозможен какой-либо обмен, какое-либо единение. Никогда не удастся сочетать все с ничем...

Окутанный утренним светом, проникавшим сквозь спущенные желтые занавески, я слушал, как принцесса читала эти строки с добросовестностью прилежной ученицы и с подчеркиванием некоторых мест, свидетельствовавших, что чтица понимает, одобряет и разделяет высказываемые взгляды.

Мы сидели в будуаре-библиотеке, Принцесса сидела перед пультом, я комфортабельно откинулся в кресле. В глубине комнаты, у самых дверей, фрейлина принцессы Больберг, юная особа лет пятидесяти, худая и в то же время массивная, не отрывала взора от «дорожки», неустанной иглой вышивала на ней узор. Желтый свет оживлял очаровательную комнатку в стиле Людовика XV, устроенную принцем Эрнстом, предком принца Отто. Портрет принца Эрнста, висевший между двумя окнами, казался в этом желтом свете настолько полным жизни, что мне даже чудилось, будто царственный друг Вольтера говорил мне: «Мой юный друг, мне кажется, что вы заставляете мою внучатую сноху заниматься какой-то странной галиматьей, расцветенной несколькими истинами Ла-Палиса!»

Жак де Шабанн, сеньор де Ла-Палис был знаменитым, очень популярным французским полководцем шестнадцатого века. Когда в битве при Павии он был убит, солдаты сложили про него песенку, в которой попадались следующие наивные строки: «Еще за четверть часа до своей смерти он был жив». Они хотели сказать этим, что герой отважно бился до самой последней минуты, но мало-помалу смысл этих строк был забыт, и в памяти удержалась только наивная истинность взгляда, что человек перед смертью бывает еще жив. С тех пор «истиной Ла-Палиса» французы называют нечто банальное, заезженное, смешное уже своей очевидностью.

«Ваше высочество! – мысленно возражал я. – Правда, что все это – ужасная чушь. Но все-таки примите во внимание, что до моего прибытия сюда ваша внучатая сноха питалась своеобразной французской литературой, которой ее снабжал лейпцигский издатель. Нежная Эльза принимала за французскую литературу книги под названием: «Пылающая плоть», «Фальшивый пол», «Ад сладострастия», да и мало ли что там еще! Кроме того она погружалась в ребусы декадентской школы, процветавшей в Париже в девяностых годах, и воображала, будто разбирается совершенно ясно в этом мраке. А теперь она занимается Гюго, Верденом, Бальзаком. Сегодня же, с вашего разрешения, она декламирует Мишле!»

Принцесса продолжала:

– Натура северянок отличается подвижностью. Зачастую бывает достаточно небольшой ловкости и любви, чтобы сразу изменить эту чистую особу и заставить ее перейти к самой очаровательной нежности, к слезам, влюбленной самоотверженности. Мужчина должен как следует поразмыслить над этим...

Великолепный совет! Я принял его к сведению и погрузился в размышления о самоотверженности влюбленных северянок, а чтобы придать фактическую опору своим мыслям, я внимательно посмотрел на свою повелительницу.

Как мне говорили, Эльза еще четыре года тому назад была худой и костлявой. Но затем она пополнела; ее лицо и формы приобрели изящество линий, которого им не хватало, и она сразу помолодела. Что особенно было хорошо у нее, так это глаза, полные юности, ласковости, даже нежности. В первый момент, когда я увидел их, они показались мне очень проница-

тельными. Теперь я знал, что именно пронизательности-то в глазах Эльзы не было, зато было много доброты и очаровательного сентиментального любопытства. И я подумал:

«Милая Эльза, как я признателен тебе за то, что ты подождала меня, Чтобы похорошеть! Ведь портреты из времен твоей ранней юности прельщают меня несравненно менее, чем теперешняя зрелость расцвета!»

– Госпожа Больберг, – сказала в этот момент принцесса, положив произведения Мишле на пульт, – сегодня солнечный день, и мне кажется, что настал час, когда вы должны гулять по предписанию врача!

Девушка Больберг быстро свернула свое рукоделие и с уязвленным видом вышла из будуара, не проронив ни слова.

Как только дверь за нею захлопнулась, принцесса взглянула на меня и покатилась со смеха.

– Она вас до смерти ненавидит! Ах, бедняжка Больберг! Она отчаянно ревнует вас и меня! Идите ко мне! Оставим чтение, я уже не могу больше выносить его. Идите!.. Ближе ко мне, ближе...

Все это было сказано с очень милым нетерпением, но под внешней ласковостью все же крылся повелительный тон, тон людей, выдавших на своем веку слишком много согнутых спин.

Как и всегда, это поколебало все мои дружеские намерения. Я подошел к принцессе и остановился в позе человека, ожидающего приказаний.

– Что? – сказала Эльза. – И это – все?

На ее лице отразилось такое разочарование, что я не мог удержаться от улыбки. Я взял руку, которую она мне протянула, и прижался к ней губами на более продолжительный срок, чем это полагалось по этикету.

– Подумать только! – сказала она. – Вы не видели меня целых четыре дня и так ведете себя! Садитесь сюда!

Я повиновался. Я уселся на скамеечку по соседству с пультом и взглянул в голубые глаза принцессы. Они были немного влажны. Может быть, потому, что перед этим я созерцал личико четырнадцатилетней Греты, я прочел в нежной синеве этих влажных глаз цифру лет. И это тронуло меня: когда видишь, как время накладывает свою печать на женскую красоту, не можешь не чувствовать волнения. И я уже жалел, что уезжал: быть может, нарушив свои привычки, я потерял способность увлекаться принцессой.

«Но что же станет со мной? – эгоистически думал я. – Как я вынесу жизнь в Ротберге, если не буду чувствовать себя влюбленным? Как примириться с бесконечными зимними месяцами без интрижки?»

Между тем принцесса заговорила немного взволнованным голосом:

– Мой друг, я чувствовала себя без вас очень одинокой. Принц охотился, муштровал гарнизон. Я гуляла с Больберг, которой подстраивала всякие неприятности за то, что она не могла не удержаться, чтобы не сиять от восторга благодаря вашему отсутствию... И тогда я поняла, насколько вы мне необходимы...

«В самом деле, – подумал я, – ведь она держится совершенно не как принцесса. Она очень нежна и... как бы это сказать?... очень мила. Рабочая девушка из Йены точно так же должна встретить студента – своего друга, пробывшего три дня за городом!»

Дурное чувство сознания своего морального перевеса, странное удовольствие помучить того, кто нас любит, быть может, также извращенное желание до взрыва эту чувствительность заставили меня ответить с аффектированным почтением.

– Ваше высочество, вы можете быть уверены, что и мне тоже казалось очень длинным время, проведенное вдали от вашего высочества!

Она откинулась назад.

– Ваше высочество! Он зовет меня «ваше высочество» теперь! Что изменило вас так за три дня пребывания в Карлсбаде? О, вы – просто истинный француз, легкомысленный и фри-вольный, и я сделала большую ошибку, привязавшись к французу. Я позволила вам в обращении со мной оставлять в стороне мой ранг. Отклонять это разрешение – просто другая форма недостатка уважения!

Она встала и резко отвернулась к окну, чтобы скрыть выступившие слезы.

«У нее прелестные волосы и очаровательная фигура, – подумал я. – Нет, она решительно права, и я просто легкомысленный француз. Но почему же ей даже в минуты взрыва страсти не хватает такта? Постоянные напоминания моего подчиненного положения, вечно слова «разрешение», «послушание», «уважение» на устах!

Принцесса вытерла глаза, обернулась и просто сказала мне:

– Это нехорошо с вашей стороны!

Эти слова нашли дорогу к моему сердцу. Мне пришло внезапное желание проделать над ней и собой сложный психологический опыт. И я сам превратился в йенского студента, которому его подруга с исколотыми иглой пальцами делает по его возвращении беспричинную сцену. Я взял длинные, не ведавшие уколов иглы палыцы красивой, породистой руки принцессы; эта рука слабо сопротивлялась, но я крепко держал ее.

– О, мой большой друг! – шепнул я.

Эльза улыбнулась. Она любила это обращение, которое однажды пришло мне в голову; она находила в нем, не знаю какую, французскую изобретательность и остроумие.

– О! – сказала она. – Это мило, что вы снова зовете меня так!

Мы уселись рядышком на диванчике близ окон.

– Я поняла, – заговорила опять принцесса, – насколько ваше присутствие необходимо для меня, как только опять зажила без вас прежней жизнью. С тех пор как вы со мной, я чувствовала себя опьяненной, не отдавала себе отчета в действительности. Моя тюрьма нравилась мне, потому что я разделяла ваше любопытство ознакомиться с ней. А прежде меня ничто не интересовало... Разве не видела я всего этого с детства? Пышный дворец, громадные залы, приемы... Вам, юному парижанину, никогда не бывавшему при дворе, все это казалось новым, и меня забавляло показывать вам все достопримечательности замка, дать вам возможность проникнуть в жизнь принцессы и самой проникнуть в вашу жизнь, которой я не знала... И все вокруг словно ожило для меня после пятнадцатилетнего сна!..

Она остановилась и взглянула на меня. Все, что она говорила мне, было действительно прелестно. Я поблагодарил ее и ободрил продолжать далее, прикоснувшись губами повыше браслета, охватывавшего ее правую руку. Она положила мне на плечо левую руку и продолжала:

– А Макс, мой маленький Макс, который так любит вас и так мило говорит: «Господин Луи Дюбер – мой соотечественник!» Ведь он любит ваш язык и вашу страну, это – живой портрет деда Эрнста, получивший вдобавок от меня в наследство много сердечности. Макс сделал такие успехи с того времени, как вы здесь! И он тоже проснулся! Ну вот, а когда вы уехали, Макс снова заснул, и с ним заснули весь двор, замок, окрестность... Больберг снова взялась за свои старые истории, которые она не осмеливалась мне рассказывать целый год и которые относятся к происхождению ее семьи. Напрасно я ей говорила: «Больберг, ну какое мне дело, что ваш род происходит от Оттомара Великого?» Она все же не уступала мне ни единого Куно, Фридебранта или Теодульфа. За столом принц и майор опять возобновили разговоры на военные темы, которые они боялись затрагивать при вас, чтобы вы не сообщили своему правительству о том, что услышите... Да, все показалось мне заснувшим и отвратительным. И я захотела в одиночестве обойти все наши любимые места в парке, в особенности... грот Марии-Елены...

Она смущенно потупилась. Я подумал:

«Есть от чего краснеть! Вот невинность тоже! Смушаться при воспоминании, что в гроте владетельная принцесса на мгновение приникла головой к плечу гувернера!»

Я нежно поцеловал белую руку, которая становилась все лихорадочнее, и произнес:

– И я тоже много думал о вас! Когда поезд мчал меня вдаль от Ротберга, я чувствовал себя крайне одиноким. Ваш портрет был у меня всегда перед глазами и под рукой. И даже в тот момент, когда я поджидал в Штейнах приезда сестренки, я перечитывал ваше письмо!

– Правда? – радостно вскрикнула принцесса и сделала движение, как бы собираясь поднести к своим губам мою плебейскую руку.

Но наследственность титула и воспитание сейчас же сдержали инстинктивный порыв, и с очаровательной неловкостью она положила мою руку к себе на колени.

Я же подумал:

«Я наполовину солгал. Письмо Греты я перечел раньше письма Эльзы, и первое много повредило второму. Но что значит полуложь в делах чувства?»

А принцесса как будто почувствовала угрызения совести, что не дала воли искреннему порыву. Желая вознаградить меня, она пробормотала:

– Подсядьте ближе ко мне! Раз вы действительно думали о своей повелительнице, то я позволяю вам сесть совсем близко, как... в Мария-Елена Зице!

Это было достаточно ясно: ведь только в гроте Марии-Елены один раз мы на мгновение интимно приблизились друг к другу. Я склонился к принцессе и положил свой лоб на ее плечо, на то место, где кружевной воротник платья обнажал шею.

– Мой друг! Мой друг!.. – лепетала между тем Эльза, прислоняясь своей щекой к моему лицу. – Ваше отсутствие безжалостно обнажило передо мной страдания моего сердца... Скажите... любите ли вы меня?

Последние слова были подобны легкому вздоху, и надо было так близко сидеть, чтобы разобрать их.

– О!.. Вы сами хорошо знаете, что я люблю вас! – сказал я голосом, твердая уверенность которого поразила даже меня самого.

Принцесса высвободилась из моих объятий, словно ответ, которого она требовала, оскорбил ее. На ее лице отразилось большое волнение. Она поспешно обвела взглядом тихую библиотеку и пробормотала, словно оправдываясь:

– Я слишком страдала здесь... Это – не жизнь! Это – не жизнь. Мои лучшие годы проходят в этой тюрьме. Уверяю вас, Луи, – прибавила она, оборачиваясь ко мне, – я не желала бы ничего лучшего, как найти в супружестве удовлетворение всем своим сердечным запросам. Не принимайте меня за женщину, похожую на ваших землячек, которые относятся совершенно несерьезно к таинству брака. Когда меня выдали замуж за принца Отто, мне было семнадцать лет, я была чиста до полного неведения... И я искренне старалась усвоить себе вкусы принца Отто, разделяла все его интересы... Но скоро я убедилась, что для него я – только принцесса, а не любимая женщина. И, когда у меня родился сын, он решил, что больше от меня ничего не требуется. А ведь я была молода и красива... И все-таки принц предпочитал мне всех моих фрейлин, всех жен чиновников, даже камеристок. Теперь его возлюбленной состоит Фрика Дронштейм, сестра министра полиции, девушка крайне дурно воспитанная и худая, как скелет! Мне кажется, он пощадил до сих пор одну только Больберг! – Она взволнованно подошла к окну, распахнула его, вдохнула свежий воздух долин, вернулась ко мне и продолжала: – Я задыхаюсь, задыхаюсь здесь! Жизнь не возможна без любви, а любви-то у меня и не было. Бывали дни, когда я вставала с постели, словно сумасшедшая, полная твердой решимости бежать отсюда, если на моем пути не встретится что-либо... Достаточно было бы любому из моих подданных – если бы только его лицо понравилось мне – пожелать, чтобы стать капризом повелительницы... Я бродила по парку, думая: «Я молода... я красива... Неужели среди обитателей этой долины не найдется ни одного, который будет мечтать обо мне, кото-

рому захочется видеть меня поближе, который проберется в кусты парка, чтобы приблизиться ко мне, как этот офицер, который полтора века тому назад увлекся принцессой Марией-Еленой?» Как бы я была снисходительна! Двери парка открыты, и только древняя дощечка, прибитая у входа, гласит, что вход запрещен. Но это – такой рабский народ, что ни разу не было сделано попытки проникнуть в парк. Я не только не встретила, как Мария-Елена, влюбленного в меня подданного. Нет, до сих пор даже ни один жених не проникал в парк, чтобы сорвать цветок для невесты, и не нашлось ни одной невесты, которая попросила бы об этом жениха! – Принцесса остановилась, ее волновал звук собственного голоса. – И вот, – понизив голос, продолжала она, – в тот момент, когда я начинала совершенно отчаиваться, Провидение послало мне вас... – Она засмеялась веселым смехом школьницы, припомнив какой-то образ; мелькнувший в ее мыслях. – Я была уверена, – продолжала она, – что учитель, которого принц Отто нанял при посредстве немецкого посольства в Париже, окажется уродливым стариком. Но, как только вы приехали, я поняла, что вы должны быть молоды и красивы. Я поняла это из того, что на мой вопрос, каковы вы собою, Больберг с оскорбленным видом ответила: «Он мне не нравится!» А ведь Больберг нравится только все уродливое...

И снова звонкий смех Эльзы раздался возле меня. Ее смех был на пятнадцать лет моложе ее самой, и, закрыв глаза, я мог вообразить, что это смеется молоденькая девушка.

– Вы изменили мою жизнь, – продолжала принцесса, которая опять стала серьезной и совсем близко подседа ко мне на диванчик. – Я проснулась, я стала наслаждаться природой, книгами, жизнью. Я не хотела признаваться, что причиной этого превращения были вы. Это унижало меня, оскорбляло стыдливость женщины и гордость принцессы. Но три дня вашего отсутствия унесли всю мою гордость!

Принцесса замолчала... Ее полуобнаженная рука обвила мою шею и нежно привела голову в положение «гроты Марии-Елены». Я поднял взор к своей «повелительнице», думая: «Ведь я тоже одинок! Мы оба – двое ссыльных... К ее мужу у меня нет никаких обязательств».

Прелестное лицо Эльзы совсем близко пришло к моему, ее взгляд тонул в моих глазах... Пусть моралисты, прежде чем осуждать меня, подумают, что мне было двадцать шесть лет и что, целых десять месяцев живя в интимной близости женщины, я не знал ни одной женской ласки.

«Да и смешно было бы сопротивляться!» – думал я в то время, как губы принцессы коснулись моего плебейского рта.

– Больберг! – вдруг пробормотала принцесса, отталкивая меня.

Ее рука подхватила сочинения Мишле с пульта. Я отодвинулся на противоположный край диванчика.

«Чистые, нежные и верные женщины, – читала Эльза, – женщины, которым нечего скрывать, имеют более чем другие необходимость в любовных излияниях, необходимость бесконечно погружаться в любящее сердце... Как это может быть, что, в общем, мужчина очень мало пользуется этим элементом счастья?»

Девушка Больберг вошла в комнату как раз во время последнего тревожного вопроса. Эльза прочла еще несколько строк, захлопнула книгу и встала. Она вполне овладела собой, только ее глаза горели счастьем.

– Хорошо ли вы прогулялись, Больберг? Что с вашей, подагрой? – спросила она.

– Очень благодарна вашему высочеству. Я почти не могу ходить, ваше высочество это отлично знаете. Только, чтобы повиноваться приказанию вашего высочества, я сделала несколько шагов по парку. Я кое-как дотащилась до скамейки и посидела там полчаса.

– Отлично, это принесет вам большую пользу, Больберг!

– Разрешите мне предложить вопрос господину доктору?

– Разумеется.

– Господин доктор, почему вы для укомплектования богемского сервиза привезли из Карлсбада полухрусталь вместо хрусталя первого сорта?

– Ей-Богу же, сударыня, – ответил я, – я сделал все, что мог. Сожалею о своей неловкости, но у меня нет специальных знаний о хрустале!

– Да оставьте вы в покое господина Дюбера! – с досадой сказала принцесса. – Вы несносны, Больберг!

– Ваше высочество изволите одеваться? – спросила неумолимая старая дева.

– Да, да! Идите и ждите меня в туалетной! Идите!.. До скорого свидания, мсье Дюбер, спасибо за интересный урок. Этот Мишле так увлекателен!

Больберг угрюмо вышла из библиотечной. Я направился к другому выходу, Эльза следовала за мной на расстоянии одного-двух шагов... И в дверном пролете повторилось то самое прародительское движение, которым уже столько веков человеческие уста облачают в плоть и кровь глагол «любить»!

Глава 4

Выйдя во дворцовый двор, я увидел придворного интенданта, графа Липавского. Он направился ко мне. Это был человек лет пятидесяти, маленький, полный и очень живой. Он был очень умен и умел сочетать любезность и обходительность с тонкой язвительностью.

– Господин доктор, свидетельствую вам свое почтение! – сказал он мне. – Вы прямо с урока от нашей очаровательной повелительницы? Довольны ли вы вашей ученицей?

– Принцесса отличается поистине восхитительным умом и прилежанием! – торжественно ответил я.

– Очень хорошо! Очень хорошо! В самом деле, весь двор замечает, что со времени вашего прибытия у ее высочества пробудился интерес к французскому... языку... конечно, вы меня понимаете? До свидания, счастливый доктор! – И он поспешно удалился, не давая мне ответить ему что-либо.

На башенке дворца часы пробили три четверти одиннадцатого.

«Отлично! – подумал я. – У меня имеется в распоряжении около двадцати минут до урока наследному принцу!»

Я был очень доволен этим досугом, так как мог на свободе подумать о случившемся. Насмешка интенданта омрачила мою веселость, и мне было бы очень не по себе, если бы пришлось тут же встретить принца Макса. Я направился вторым двором и оранжереями к парку. Сначала я попал в сад, где принцесса своими трудолюбивыми немецкими руками занималась разведением цветов. Расположенный на вершине холма, этот садик сразу открывался во всю длину. Он примыкал к парку, который разделялся на две весьма различные части. Одна была устроена во французском стиле и относилась к времени принца Эрнста, когда каждый немецкий государь хотел иметь свой Версаль. Вторая представляла собой английский парк; это и было любимым местом наших прогулок с принцессой Эльзой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.